

В. З. ДЕМЬЯНКОВ

ПРЕДИКАТЫ И КОНЦЕПЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В настоящей статье будет обрисован спектр вопросов, связываемых с понятием предиката в современном англоязычном языкознании. В первой части будет дан обзор попыток определения этого понятия и классификации предикатов. Во второй части на примере конкретных исследований будет показано, как интерпретируются предикатные выражения в рамках направления, называемого интерпретационизмом¹. К сожалению, ограниченность объема не позволяет здесь хотя бы упомянуть все множество связанных с указанным вопросом аспектов.

I

1. П о н я т и е « п р е д и к а т ». Вопрос об определении этого понятия относится к традиционным вопросам языкознания. Решение его в равной степени существенно для развития любой синтаксической или семантической концепции языка. Однако предикат не получил какого-либо определения, приемлемого для всех представителей тех направлений, которые являются предметом данной статьи. Напомним только некоторые попытки, предпринятые в этом аспекте.

В терминах анализа по НС, как известно, понятие «предикат» не является базисным, а определяется по конфигурации синтаксического представления. Так, предикатная составляющая в концепции «Аспектов» Н. Хомского — это та составляющая предложения, которая в качестве главы имеет глагольную группу. Неформально говоря, это — все, что относится к глаголу в личной форме, составляя с ним одну целую синтаксическую группу в предложении. В состав предикатной составляющей входит, в частности, и составляющая вспомогательных элементов (называемая составляющей вспомогательного глагола). Предикатная составляющая вместе с субъектом полностью исчерпывает всю синтаксическую структуру предложения. В свою очередь каждая из них далее может быть представлена как группа еще более простых составляющих. Так как в этой концепции различаются исходный и поверхностный уровни представления синтаксической структуры, это позволяет избежать осложнений, связанных с тем, что какой-либо элемент составляющей может находиться в дистактной позиции от основной группы (в исходном представлении такого разрыва составляющих нет). С другой стороны, здесь говорят о предикатах исходной и поверхностной структуры. Так, на составе синтаксических групп не отражается ни порядок слов поверхностной структуры, ни залог — активный или пассивный; например, предложения *Петр вчера съел суп*, *Вчера Петр съел суп*, *Петр съел вчера суп* имеют тождественные

¹ См. подробнее в ст. Демьянков В. З. Формализация и интерпретация в семантике и синтаксисе (по материалам американской и английской лингвистики). — «Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка», т. 39, 1979, № 3 — в дальнейшем «Обзор I»; см. также Демьянков В. З. «Субъект», «тема», «топик» в американской лингвистике последних лет. — Там же, № 4 («Обзор II»).

предикатные составляющие в исходной структуре, а у предложения *Суп был съеден Петром вчера* предикатная составляющая — та же, что и у первых трех, за тем исключением, что в нее входит дополнительно (в позиции составляющей обстоятельства образа действия) показатель творительного падежа, в то время как субъект и прямое дополнение — те же, что и в активном варианте.

Однако близость исходных структур не обязательно бывает связана с семантической эквивалентностью поверхностных структур: это-то положение о неэквивалентности семантики пассивных и активных предложений и отличает трактовку пассивизации в модели «Аспектов» от других, ранних концепций генеративизма. Например, предложение *Все присутствующие назвали несколько имен* и *Несколько имен были названы всеми присутствующими* соотносятся по залогу, но имеют различные логические интерпретации, не сводимые к одной².

2. П р е д и к а т в с е м а н т и ч е с к о й и н т е р п р е т а ц и и. Дальнейшее развитие предлагаемой Н. Хомским модели, как известно, шло в сторону уменьшения разрыва между исходным и поверхностным представлениями предложения. Действительно, если активные и пассивные варианты предложения имеют разные исходные структуры и могут иметь соответственно разные толкования (хотя и возможны семантически эквивалентные пары), то зачем вообще нужны трансформации типа пассивизации? Ведь можно построить грамматику, задающую для этих видов предложений синтаксические структуры порознь, без участия такой трансформации в получении поверхностной структуры для пассивного варианта. Установление же семантической близости (в экстремальном случае — эквивалентности) соответствующих поверхностных структур может производиться при таком подходе с помощью семантических правил, переводящих синтаксические представления в семантические. При этом одно и то же предложение имеет семантическую интерпретацию не одного, а нескольких видов. Так, в концепции семантической интерпретации Р. Джеккендоффа имеется четыре вида семантической интерпретации: функциональная структура, модальная структура, таблица кореферентности и структура «фокус + пресуппозиция».

Ф у н к ц и о н а л ь н а я с т р у к т у р а представляет собой интерпретацию предложения в терминах функций—субъект (агент), объект (пациент) и т. п. Это — как раз та интерпретация, которая дает в явном виде субъектно-предикатные свойства предложения. В частности, активные предложения имеют те же функциональные структуры, что и соответствующие пассивные.

М о д а л ь н а я с т р у к т у р а представляет предложение в терминах модальной логики: с указанием кванторной структуры, операторов отрицания, модальности и т. п. Для получения этой структуры необходимо учитывать такие свойства лексических единиц, которые соответствуют тем или иным операторам модальной логики и сказываются при расстановке скобок в соответствующем логическом представлении (эта расстановка скобок связывается с проблемой определения области действия кванторного слова, модального или иного оператора). В частности, приведенные в конце предыдущего раздела примеры логически неэквивалентных предложений имеют различные модальные структуры, но одинаковые функциональные.

Т а б л и ц а к о р е ф е р е н т н о с т и дает сведения о том, какие именные составляющие, входящие в данное предложение, кореферентны (т. е. относятся к идентичным объектам действительности).

² Подробнее об этом см.: *Chomsky N. Deep structure, surface structure, and semantic interpretation.* — In: *Semantics.* Ed. by Steinberg D. D., Jakobovits L. A. Cambridge, 1971; *Падучева Е. В. О семантике синтаксиса.* М., «Наука», 1974; О явлении свободного передвижения кванторов см. также библиографию: *Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Порождающая грамматика.* М., Изд-во ВЦП, 1979, с. 107 (далее — «Термины...»).

Наконец, структура «фокус + пресуппозиция» представляет собой пару: некоторый отрезок поверхностной структуры предложения, называемый фокусом предложения, и то, что является пресуппозицией относительно соответствующего фокусу референта. Как правило, пресуппозиция представляет собой, в рамках такой структуры, поверхностное представление предложения, в котором фокус заменен на «семантическую переменную». Например, в предложении *Несколько яблок были съедены Петром вчера* в зависимости от того, где находится логическое ударение, указанная структура будет иметь один из следующих видов: *несколько яблок + Петр вчера что-то съел*, *Петром + кем-то вчера были съедены несколько яблок*, *вчера + несколько яблок были съедены Петром когда-то* и т. п.

Таким образом, оказывается, что функциональная структура получается непосредственно из исходной структуры, и поверхностная структура для этого вида интерпретации наименее релевантна. Однако проблема выяснения семантической адекватности вида функциональной структуры остается открытой. В данной концепции такая структура определяется на основе принципов, близких к идеям грамматики падежа Ч. Филлмора и концепции «тематической иерархии» Дж. Грубера, которые представляются небесспорными.

3. Синтаксические проблемы определения предиката. В рамках конкретной грамматической концепции понятие предиката должно быть определено таким образом, чтобы описание синтаксических конструкций было более или менее единообразно предсказуемо теоретически. В частности, в рамках синтаксического описания должны даваться теоретически обоснованные ответы на вопросы следующего вида: Что является предикатом в сочинительных (координированных) конструкциях — типа *Иван и Петр любят природу* (которое логически равносильно конъюнкции *Иван любит природу и Петр любит природу* — в отличие от предложения *Иван и Мария целуются*, которое в виде конъюнкции представлено быть не может)? Каков статус предиката в «негативно-пассивных» предложениях типа *Антарктика необитаема*? Как описывать предложения с двойным предикатом, типа *Петр вернулся угрюмый*? Это список может быть продолжен. Кроме того, нерешенной представляется проблема выяснения статуса так называемых «вспомогательных» глаголов: является ли составляющая вспомогательного глагола самостоятельной составляющей предложения или она входит в состав предикатной составляющей и т. п. Например, возможны предложения, предикатная составляющая которых полностью представлена группой вспомогательного глагола — это предложения с так называемым «пропредикатом». Например, в ситуации, когда Билл пытается поцеловать Мэри, та может сказать ему: *No, you mustn't* «Нет, вы не должны». П. Шахтер³ полагает, что такие выражения появляются уже в исходной структуре, а соответствующая интерпретация (связанная с вставлением после вспомогательного глагола самостоятельного) есть результат правил семантической и прагматической интерпретации. В самом деле, как иначе, чем через обращение к прагматическим факторам, выявить, что в таком толковании должно быть *целовать*, а не *убивать*?

4. Глагольная составляющая. В составляющую предиката предложения входит глагольная составляющая, — наряду с составляющей вспомогательного глагола. Наиболее распространен тот взгляд, что глагольная составляющая представляет собой глагол с прямым или непрямым (в частности, косвенным) объектом, с придаточными дополнительными (возможно, элидированными по ходу синтаксической де-

³ См.: Schachter P. Does she or doesn't she? — Linguistic inquiry, 1977, v. 8, p. 763—767; A nontransformational account of gerundive nominals in English. — Ibid., 1976, v. 7, p. 205—241. Ср. Hankamer J., Sag I. Deep and surface anaphora. — Ibid., 1976, v. 7, p. 391—428.

ривации — как в предложении *Командир приказал солдатам стрелять в дерево*) и с «направительными наречными составляющими» (типа *в дом* в предложении *Петр пошел в дом*), но исключая обстоятельства времени, места, образа действия и адьюнкты⁴ (наречные составляющие, модифицирующие целое предложение). Иногда к категории глагола при этом добавлялись предлоги и прилагательные в качестве главы глагольной составляющей. В логико-ориентированных концепциях (например, в грамматике Монтегю, в концепции М. Крессуэлла⁵ и в некоторых других) к ним же присоединялась категория существительных нарицательных. Этим объясняется тот факт, что такие существительные могут выступать в роли предиката, когда субъектом является существительное собственное, а обратное неверно; например, можно сказать *Катя — человек*, но нельзя сказать *Человек — Катя*.

Предикаты часто классифицируются по числу принимаемых ими и входящих в составляющую глагола аргументов (актантов) — на этом основана теория валентности, начиная с работ, написанных под влиянием Л. Теньера, и включая сюда теорию падежа Ч. Филлмора. Учитывается при этом то обстоятельство, что глаголы определенных классов могут принимать в качестве аргументов (к аргументам относится, в частности, и субъект) заранее известное количество именных составляющих, каждая из которых имеет показатель некоторого падежа, хотя степень допустимости отсутствия тех или иных видов аргументов при различных классах глаголов различная. Валентность глаголов в некотором смысле действительно аналогична валентности атома, рассматриваемой в химии: глагол, как и атом, образует «молекулу», называемую глагольной составляющей. Однако аналогия с химической валентностью не является полной: в лингвистической концепции валентности мало учитывается свойство неглагольных атомов также иметь свою валентность.

Итак, в указанных концепциях глагольная составляющая в значительной степени определяет синтаксическую структуру всего предложения, а глагол является стержнем этой структуры. Такое представление, но в несколько ином понятийном контексте сохранено и в грамматике отношений (см. Обзор II). По количеству принимаемых аргументов глаголы, — а соответственно, и предикаты в семантическом представлении — делятся на одноместные, двухместные и т. д. В некоторых работах к категории одноместных предикатов относятся и такие элементы семантической структуры, как время⁶. Этот взгляд был весьма распространен особенно на первых этапах развития направления, называемого «порождающей семантикой».

Во всех описанных выше направлениях существование глагольной составляющей как универсального понятия, наличествующего в синтаксической структуре любого человеческого языка, не подвергается сомнению. Это положение в одной из работ А. Швартца было поставлено под вопрос: в этой работе была сделана попытка показать, что языки типа SVO имеют глагольные составляющие, а языки типов SOV и VSO — нет⁷.

5. Семантические свойства глагола. С семантической стороны существует большое количество оснований классификации

⁴ См. *Anderson S. R., Chung S.* On grammatical relations and clause structure in verb-initial languages.— In: *Syntax and semantics V. 8. Grammatical relations.* N. Y.— San Francisco — London, Academic Press, 1977. См. также *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., «Прогресс», 1978.

⁵ См. *Cresswell M. J.* Logic and languages. London, Methuen, 1973.

⁶ См. *Darden B. J.* Is the English perfect an embedded past? A statement from the devil's advocate.— In: *Papers from the fourth regional meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, Illinois, 1968, p. 14—21.

⁷ См. *Schwartz A.* The VP constituent of SVO languages.— In: *Syntax and semantics. V. 1.* N. Y.— London, Seminar Press, 1972; критику этой аргументации см. *Grosu A., Thompson S. A.* Constraints on the distribution of NP clauses.— *Language*, v. 53, p. 104—151.

глаголов: противопоставление глаголов деятельности и глаголов состояния (ср. *Петр лежит* и *Петр пишет письмо*), каузативность, модальность, свойство глагола «пропускать» пресуппозиции придаточного дополнительного на роль пресуппозиции всего предложения, свойства, связанные с перформативностью, и многие другие.

К логическим свойствам можно условно отнести те свойства глагола, которые соотносятся с логической интерпретацией предложений, выражающих суждения. Такие суждения в логических терминах представляются как высказывания в рамках определенного логического языка. В частности, такие высказывания могут представлять собой кванторные выражения, конъюнкции, дизъюнкции, импликации и т. п. Когда речь идет об определенной разновидности глаголов, например об «имплицативных» глаголах, на самом деле имеются в виду не обязательно глаголы поверхностной структуры, а те элементы предложения, которые соответствуют определенным — предикатным — элементам логического представления, отождествляемым с «абстрактными предикатами» такого логического представления.

Закljučая изложение этой части, отметим, что на сегодняшний день имеется большое количество нерешенных вопросов, связанных с определением предиката и установлением его места в лингвистическом описании предложения. Многие из этих вопросов решаются в комплексе с вопросом о субъекте (подлежащем), который является темой рассмотрения в Обзоре II.

II

6. И н т е р п р е т а ц и я п р е д и к а т о в. Роль предиката, по мнению некоторых исследователей⁸, зависит от роли субъекта при определении семантической интерпретации предложения: семантика неоднозначного предиката в конкретном предложении определяется референцией субъекта. Так, в предложении *Джон сильный* предикат *сильный* имеет толкование «проявляет силу в определенных обстоятельствах» (например, может поднять большой груз), в то время как в предложении *Связь между данными молекулами сильная*, наоборот, предикат интерпретируется как «может противостоять большим напряжениям». Обобщая это положение, Э. Кинан противопоставляет простые существительные глаголам и прилагательным: последние получают закрепленное, «жесткое» толкование только в предложении, имена же могут иметь его уже в словаре. Тем самым объясняется, почему сравнительно мало распространены языки типа мальгашского, в котором субъект предложения при нормальном порядке слов идет после предиката и прямого дополнения: такой порядок затрудняет «оперативную» интерпретацию предиката предложения при его восприятии.

Однако наблюдения над некоторыми слоями лексики приводят к заключениям, противоположным данному. Так, предикаты типа *мяукать*, *мычать*, *лаять* и т. п. (так называемая «бестиальная лексика»), наоборот, индуцируют референцию имен, которые в отрыве от подобных предикатов могут интерпретироваться неоднозначно. Например, предложение *Машка выскочила из-за сарая и замыкала* не будет правильно проинтерпретировано до тех пор, пока слушающий не дойдет до предиката *замыкала*; только тогда имени *Машка* будет приписана интерпретация «имя кошки». Вне этого предложения имя *Машка* имеет широкий спектр денотации — от имени человеческого существа женского пола до кличек самых разных животных — кошек, коз, коров.

Тем не менее связь интерпретации предиката с интерпретацией его актантов несомненна. Кроме того, необходимо различать, интерпретируя

⁸ См., например, *Keenan E. L. The syntax of subject-final languages.* — In: *Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language.* Austin — London, University of Texas Press, 1978.

предикаты, имеем ли мы дело с базисным или с небазисным предикатом. К базисным предикатам относятся те, которые в качестве аргумента в интерпретируемом предложении не имеют ни одной пропозиции. Это определение является скорее формальным, чем содержательным, так как не ограничивает явным образом семантического содержания базисных предикатов. Семантическая сфера базисных предикатов устанавливается в статье Ю. С. Степанова (в данном номере журнала). Однако и при нашем определении семантическая сфера фактически ограничивается, например, предикаты «внутреннего мира интерпретатора», в частности «предикаты пропозициональной установки» (*Он полагает, что ...*, *Он считает, что ...* т.п.) заведомо не относятся к базисным. Примеры базисных предикатов: *бежать, бить, чувствовать себя, находиться* и т. п. Небазисные предикаты — это те, которые указанным свойством не обладают в данном предложении, типа предиката *думать* в предложении *Петр думает, что Маша сидит дома*.

7. Интерпретация базисных предикатов. Существует концепция, называемая локализмом (она выдвинута Дж. Андерсоном и поддерживается его учениками, главным образом в Эдинбурге)⁹, согласно которой все базисные предикаты в семантической репрезентации предложения представимы в терминах локализации (в пространстве и во времени). В частности, *обладать чем-либо* в рамках этой концепции трактуется так: *А обладает предметом В = В находится у А* (ср. соответствующие конструкции во многих языках мира, где обладание выражается в поверхностной структуре так же, как и нахождение вблизи референта для имени обладателя, — в русском, валлийском, арабском и др. языках, — например, в предложениях *Книга — у меня* и *Стол — у окна*).

В более узком направлении, находящемся в русле локализма, дополнительно к этому выдвигается гипотеза, согласно которой временные отношения сводимы к отношениям локализации в пространстве, так что в семантической репрезентации для предложений с базисными предикатами имеются только предикаты локализации.

В этой связи отметим следующее. Выбор способа представления в этой концепции определяется, несомненно, мировоззрением и теоретической установкой (философской, естественнонаучной и т. п.) исследователя. Очевидно, что у разных исследователей могут быть различные установки. Представляется, однако, что язык нейтрален по отношению к таким различиям, — недаром с помощью одного и того же человеческого языка можно, без риска нарушить языковые нормы, строить высказывания, относимые к совершенно противоположным мировоззренческим позициям и к их оценкам. С интерпретационистской точки зрения правильнее здесь было бы сказать, что в конкретных языках существуют соотносимые синтаксические конструкции: например, соотносимы в русском языке конструкции, выражающие местонахождение и обладание. Их соотносимость может быть описана посредством определенных постулатов значения. Так, для русского языка существуют семантические постулаты, придающие possessивным конструкциям коннотацию местонахождения, однако это вовсе не значит, что семантическое представление предиката местонахождения обязательно должно быть тождественным семантическому представлению предиката обладания. Соответственно, — как указывает Ю. С. Степанов (см. статью в данном номере), — в разбиении предикатов в соответствии с логическими категориями класс предикатов места и предикатов обладания не совпадают.

⁹ См.: *Anderson J. M. The grammar of case: towards a localistic theory. London, Cambridge University Press, 1971; An essay concerning aspect. The Hague, Paris, Mouton, 1973; Miller J. A localist account of the dative case in Russian. — In: Slavic transformational syntax. Ann Arbor, 1974. См. также «Термины...», с. 20, 21.*

Интерпретация предикатов, в частности, сложных предикатных конструкций (построенных на основе базисных предикатов) связана не только с синтаксическими и семантическим факторами — здесь мы сталкиваемся с выходом в прагматику и в знание реальных ситуаций. Например, как указывают Ч. Ли и С. Томпсон¹⁰, выбор интерпретации для предложения с так называемой «серийной конструкцией», в литературном китайском языке происходит при обращении к сведениям четырех типов: знание конкретного языка, прагматических факторов, внеязыковых принципов и универсально-языковых принципов. Первый тип знания связан с валентностью конкретного глагола (а валентность варьирует от языка к языку); сюда же относится и знание спектра грамматических средств в их совокупности в данном языке. Знание прагматических факторов представляет собой способность оценить конкретную ситуацию общения и бытового фона общающихся сторон (это знание значительно сужает спектр возможных интерпретаций для конкретных предложений, употребленных в конкретных же ситуациях). Знание внеязыковых принципов представляет собой не что иное, как знание о принципах устройства мира, о том, какие отношения сопооявления, причинности, следствия и т. п. возможны в реальной жизни. Видов внеязыковых принципов сравнительно немного, однако в разных языках они отражаются разными средствами и (добавим мы) с различной степенью точности, требуемой для того, чтобы высказывание было приемлемым в данном социуме. Наконец, к универсально-языковым относятся, по мнению авторов, те принципы, что присущи всем языкам мира и не попадают ни в одну из первых трех рубрик.

Ч. Ли и С. Томпсон так иллюстрируют изложенные принципы на примере предложения литературного китайского языка:

wǒ yǒu yíge jiějie yǒu yíge háiizi

Я иметь один сестра иметь один ребенок

Это предложение с серийной конструкцией имеет такие толкования: «у меня есть сестра, которая имеет ребенка» и «у меня есть сестра и ребенок». Посторонними для такого предложения являются интерпретации типа «поскольку у меня есть сестра, у меня есть и ребенок» (в жизни, в частности, в соответствующем обществе — эти вещи не связаны причинно-следственной связью). Выбор же одного из двух указанных способов интерпретировать данное предложение происходит на основе знания конкретной ситуации: скажем, если говорящий — мальчик, то более вероятной интерпретацией будет «сестра с ребенком», а если говорящий, по оценке интерпретатора, вполне мог бы иметь детей, то предложение может получить и конкурирующую интерпретацию.

8. И н т е р п р е т а ц и я   н е   б а з и с н ы х   п р е д и к а т о в. Выбор интерпретации, как видим, связан с установлением некоторой системы предпочтения. Можно предположить, что при остальных равных условиях из двух способов интерпретации предложения будет выбран тот, который в наименьшей степени меняет представления интерпретирующего человека о ситуации и о жизни вообще. Кроме того, существуют в языке специальные средства, с помощью которых говорящий навязывает требуемую интерпретацию адресату. Среди них — небазисные предикаты, т. е. те, которые в качестве хотя бы одного аргумента имеют пропозицию, — например, п р е д и к а т ы   с у ж д е н и я   т и п а   *знать, думать, говорить* и т. п.

Эти средства могут использоваться как для «уточнения» высказываемого во вложенной пропозиции суждения, так и для выражения оценки оправданности пресуппозиций (презумпций), индуцируемой таким суждением.

¹⁰ См. Li Ch. N., Thompson S. A. An exploration of Mandarin Chinese.— In: Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language. Austin — London, University of Texas Press, 1978.

Разберем оба указанных случая порознь.

9. **Интерпретация суждения при небазисном предикате.** Частным видом небазисных предикатов являются предикаты, выражающие установку субъекта при таком предикате по отношению к содержанию пропозиции. Эти предикаты можно было бы расположить по непрерывной шкале. Одни из них подчеркивают, что в данном случае мы имеем дело с истинным высказыванием (например: *Я знаю, что...* и *Верно, что...*), так что говорящий готов «подписать» под своими словами, — если субъектом при таких предикатах является *Я*. Это — один полюс шкалы. Где-то посередине — предикаты типа *кажется, что...*, *возможно, что...*. Предикат *сомневаюсь, чтобы...*, передавая отрицание вложенной пропозиции, тем не менее не является отрицательным предикатом в собственном смысле слова: говорящий как бы «отгораживается», оставляя для себя лазейку для того, чтобы, когда выяснится истинность вложенной пропозиции, сказать: «Но я же не отрицал, а только сомневался». Эта **загородка** (hedge) позволяет автору суждения замаскировать свою установку по отношению к пропозиции. Сам термин «загородка» вошел в синтаксические работы с появлением среди инструментов исследования понятия «расплывчатого множества»¹¹. С помощью «загородочного предисловия» говорящий выражает минимальное или даже нулевое поручительство за истинность или иную оценку суждения, даваемого в его речи, и просит адресата не быть слишком строгим к этому своему высказыванию.

Итак, рассматривая указанную шкалу предикатов, мы сталкиваемся с тем, что, когда речь идет об отрицательных предикатах суждения, имеет место явление отгораживания. Предложения же типа *Я отрицаю существование леших* — с предикатом *отрицаю* — конституируют некоторое действие, перформативный акт, заключающийся в отрицании чего-то, а не в комментарии по поводу высказываемой пропозиции.

Попытка получить отрицательный предикат «аналитическим» путем, сочетая предикат суждения и отрицательную частицу, для одних предложений дает неприемлемый или странный результат — ср. *Я не знаю, что Петр приехал вчера*, — для других — скорее выражение позитивной установки, чем негативной, ср. *Я не сомневаюсь, что Петру понравятся пироги* (= *Я уверен, что Петру понравятся пироги*). Для третьих, как в предложении *Я не отрицаю, что Петру следует учиться*, результирующий предикат столь же перформативен, что и предикат без отрицательной частицы, не являясь по смыслу истинно отрицательным предикатом, который можно было бы поставить в один ряд с отрицанием базисного предиката типа *не бежит, не читает* и т. п.

Однако предложения типа *Не думаю, что Петр придет* и *Неверно, что лешие существуют* выбиваются из установленной выше закономерности. Они обычно интерпретируются как синонимичные соответствующим предложениям с отрицанием внутри самой пропозиции, а не при небазисном предикате, ср.: *Думаю, что Петр не придет* и *Верно, что лешие не существуют*. Тем не менее и здесь мы имеем дело все с той же загородкой. Представим себе такой диалог: «Не думаю, что Петр когда-нибудь научится водить автомобиль» — «Да вот же он едет на самосвале». — «Ну что же, бывает, но я же не говорил, что этого вообще не бывает».

Как же должна выглядеть интерпретация отрицательных предикатов суждения (пусть даже с загородочной коннотацией)? И в стандартной модели, и в порождающей семантике (см. Обзор I) предполагается, что исходной структурой для предложений с отрицательными предикатами типа *не думаю, что* является та, в которой отрицание находится внутри

¹¹ См.: *Lakoff G. Hedges: a study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts.* — In: *Papers from the eighth regional meeting of the Chicago Linguistic Society.* Chicago, Illinois, 1972; *Baker Ch. This is just a first approximation, but...* — *Ibid*, v. 11, 1975; *Fraser B. Hedged performatives.* — In: *Syntax and semantics v. 3. Speech acts.* N. Y. — San Francisco — London, 1975; *Lysväg P. Verbs of hedging.* — *Ibid*, v. 4, 1975.

вложенной пропозиции. Такое представление близко к соответствующему логическому выражению в рамках большинства существующих логических систем. При этом постулируется трансформация «подъема отрицания», переводящая отрицание из придаточного предложения в главное, так что в поверхностной структуре отрицательная частица находится при предикате суждения. Эта трансформация подъема — факультативна, вот почему возможны оба варианта предложений — когда отрицание стоит при главном предикате и внутри придаточного (подробная библиография дается в «Терминах...», (с. 106)). Однако явление «подвижного отрицания» можно объяснить и иным способом, основываясь на так называемых конверсационных постулатах. При этом объяснении предложения *Не думаю, что Петр придет* и *Думаю, что Петр не придет* имеют разные исходные синтаксические представления, однако их семантические интерпретации соотносятся посредством семантического постулата «Не думать, что А — то же самое, что думать, что неверно, будто А». Такое объяснение оставляет свободу для уточнения — при интерпретации подобных предложений — таких характеристик, как степень уверенности говорящего в истинности пропозиции, степень его «отгороженности» и т. п.

10. **Интерпретация пресуппозиции при небазисном предикате.** Помимо выражения установки по отношению к высказыванию, предикаты небазисного типа играют еще несколько важных ролей. Одна из них — выражение оценки оправданности пресуппозиций, заложенных в том суждении, которое выступает в качестве аргумента при таком предикате. Так, сравним следующие два предложения: *Билл знает, что Джон бьет свою жену* и *Билл считает, что Джон бьет свою жену*. Из первого предложения явствует, что его автор убежден в том, что Джон бьет свою жену, из второго же такого вывода сделать нельзя. Иначе говоря, предикат *знает* позволяет суждению *Джон бьет свою жену* выйти за пределы придаточного в качестве пресуппозиции всего предложения, а предикат *считает* — нет. Предикаты первого типа Л. Карттунен назвал «дырами», а второго — «затычками». Имеется третий тип — «фильтры»: такие элементы пропускают одни пресуппозиции и не пропускают другие — в зависимости от контекстных условий. К фильтрам отнесены логические связки — *и, или, если* — *то* и т. п. Иногда к этим видам добавляют еще один — «клапаны»: это предикаты, в одних условиях выступающие в качестве затычки, а в других — дыры¹².

В той концепции, в которой эта классификация зародилась, предполагалось, что пресуппозиции все так или иначе отражены в явном виде в исходном (семантическом) представлении предложения, и в зависимости от того, к какому классу предикат главного («матричного») предложения относится, при переходе от исходной структуры к поверхностной происходит или не происходит удаление «избыточного» семантического материала. Однако со временем стало очевидным, что такой способ представлять семантическую структуру не так уж неизбежен, разумнее обратиться опять-таки к интерпретационистской трактовке, при которой набор пресуппозиций получается в результате работы правил семантического компонента грамматики: ничто не запрещает, не выходя за рамки модели Р. Джеккендоффа (см. выше), принять соответствующую интерпретацию как набор или иерархию пресуппозиций¹³.

¹² См. Karttunen L. Presuppositions of compound sentences.— *Linguistic inquiry* v. 4. 1973, p. 169—195. См. также Liberman M. Alternatives. In: *Papers from the ninth regional meeting...*, 1973; Reis M. Further and's and but's about conjunction.— *Ibid*, v. 10, 1974; Shenaut G. Valves: plumbing the presuppositional depths (or what's a plug like you doing in a hole like this?).— *Ibid*, v. 11, 1975.

¹³ Обзор истории вопроса см. Karttunen L., Peters S. Requiem for presupposition.— In: *Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley, California, 1977, p. 360—371, где авторы приходят к выводу о несостоятельности понятия «пресуппозиция» в лингвистике вообще.

11. И е р а р х и я д о с т о в е р н о с т и. Сказанное выше относительно интерпретации предложений с небазисными предикатами может быть до некоторой степени объяснено тем, что одной из функций таких предикатов является выражение степени достоверности, которая приписывается автором (говорящим) всему высказыванию в целом и его presupпозициям. Именно для того, чтобы «навязать» слушателю свою оценку высказывания с точки зрения достоверности, — будь то достоверность собственно суждения или убежденность автора в достоверности определенных допущений относительно описываемых событий, ситуации общения и т. п. — и используются небазисные предикаты. Степень достоверности, очевидно, максимальна, когда речь идет о знании или сведениях, получаемых посредством чувственного опыта Эго говорящего, меньше она в случае знаний, полученных в результате чисто логического рассуждения на основе первого типа знаний, еще меньше — когда знание получено через посредство чужого знания.

Таким образом, мы имеем дело с нечто вроде «и е р а р х и и д о с т о в е р н о с т и». В своих недавних работах Н. Акатсука-Мак-Коли показала¹⁴, что такая иерархия может найти грамматическое отражение в естественном языке. Так, в японском языке имеются различные формальные средства для передачи указанных видов достоверности. Независимым от этой иерархии Н. Акатсука-Мак-Коли считает различие двух видов знания: «интернализованного» (входящего в подсознание) и «интеллектуального» (осознаваемого и не обязательно содержащегося в подсознании). Интернализованное знание связано с большей степенью «интимности» знания — например, такое значение заключено в глаголах типа *понимать, знать, ощущать* и т. п. Интеллектуальное же знание связано с чем-то менее интимным, менее «своим» — для его выражения существуют предикаты типа *узнать (от кого-либо)*. В этих терминах формулируется и следующий принцип: для говорящего абсолютно невозможно занимать отрицательную установку по отношению к интернализованному знанию (т. е., в частности, к чувствам, эмоциям, восприятию, которые им осознаются как существующие в нем самом) в момент высказывания, в большей степени эта отрицательная установка возможна при выражении интеллектуального знания.

Именно поэтому предложение типа *Я думаю, что Петра нет в городе* не может иметь интерпретацию *Я ошибочно думаю, что Петра нет в городе*, в то время как предложения *Я думал, что Петра нет в городе* (все с тем же подлежащим *Я*) и *Иван думает, что Петра нет в городе* (где подлежащее — третье лицо, а предложение содержит небазисный предикат в настоящем времени) в одинаковой степени допустимы с такой интерпретацией, ср. *Я ошибочно думал, что Петра нет в городе* и *Иван ошибочно думает, что Петра нет в городе*.

Особая роль подлежащего *Я* при небазисном предикате в настоящем времени может быть объяснена тем, что *Я* соотносится с Эго, которое следует определить существующим только в данный момент. Высказывания, относящиеся к *Я* не в настоящем, а в будущем или прошедшем времени, при таком допущении описывают не Эго, а некий иной объект, который в интерпретации условно приравнивается, но не отождествляется с Эго. С проявлением этого же допущения мы имеем дело и в случае перформативных предложений. Так, предложение *Обещаю никогда не ходить в кино* представляет перформативный акт обещания только если главный предикат имеет форму настоящего времени именно потому, что совершать действие и одновременно сообщать о нем как происходящем в настоящий момент может только Эго, — в других временах речь идет только об описании, комментарии, но не совершении перформативного акта.

¹⁴ Akatsuka-McCawley N. What is the «semantic root transformation» phenomenon? — In: Papers from the thirteenth regional meeting..., 1977; Epistemology and Japanese syntax: complementizer choice. — Ibid. v. 14, 1978.

Как уже говорилось, интерпретационистская модель устанавливает для предложения множество разных видов интерпретации (см. Обзор I), что совершенно не равносильно двусмысленности. Множество интерпретаций предложения, центральную позицию в которых занимает отражение Эго, включает в себя, среди прочего, оценки событий, конкретных предметов, лиц, и т. п. (например, с точки зрения добра и зла, достоверности, реальности и др.). Такие интерпретации не исчерпывают всего многообразия видов интерпретации, но они играют важную роль в процессе общения людей. Именно относительно таких видов интерпретации и существенно явление отгораживания, о котором говорилось выше. Действительно, отгораживание — это такое представление суждения, при котором говорящий снимает с Эго (а не обязательно с референта для субъекта загородочного предиката, в частности, с референта для Я) ответственность за само суждение.

Итак, отождествление Эго с Я (последнее представляет собой единицу синтаксической структуры предложения, первое — элемент интерпретации) необходимым условием имеет наличие указания на настоящее время. Обратное обычно также верно, но не всегда, т. е. предложения в настоящем времени не всегда позволяют интерпретировать единицу Я как относящуюся к Эго. Приведем следующий пример. Предположим, что я — режиссер и объясняю актеру, как тот должен сыграть роль обманутого мужа. Я вполне могу сказать ему следующее: «Представьте себе, что я — ваш соперник. По городу идет слух, что вы должны скоро уехать в Сочи. Я ошибочно полагаю, что этот слух — верный, и прихожу к вашей жене». Здесь, вопреки тому запрету, который был сформулирован ранее, предикат пропозициональной установки, выражающий интернализированное знание, сопровождается противоречащим модификатором *ошибочно*. Это означает, что формулировка приведенного выше принципа должна быть уточнена следующим образом: для того, чтобы не показаться неискренним и навязать слушающему ту интерпретацию предложения, при которой Эго говорящего отождествляется с Я, говорящий обязан избегать выражения отрицательной установки по отношению к предикатам интернализированного знания, субъектом которых является Я, если эти предикаты имеют форму настоящего времени. В противном случае говорящий рискует быть непонятым: ни одна из интерпретаций его высказывания не будет оценена слушающим как «состоятельная», кроме интерпретации отчужденности Я от Эго.

12. Состоятельность интерпретации и классификация предикатов. Состоятельной интерпретацией можно назвать только такую интерпретацию, которая не входит в радикальное противоречие с внутренним миром интерпретатора¹⁵. Так, та интерпретация предложения Я *ошибочно убежден в этом факте*, при которой Я является фокусом эмпатии (см. Обзор II, с. 373, 374) и отождествляется с Эго говорящего, в силу сформулированного принципа является несостоятельной. Затруднения с нахождением состоятельной интерпретации возникают и в другом классе случаев. Так, ср. предложения *Лягушки сидели на берегу* и *Лягушки имеют обыкновение мычать, когда летят*. Первое легко получает состоятельную интерпретацию, второе столь же легко получает несостоятельную интерпретацию, в силу того, что людям, знающим, что такое лягушки, известны и возможности этих животных, достаточно скромные.

Итак, интерпретирование связано с проекцией содержания высказывания как на внеязыковую реальность, так и на внутренний мир интерпретатора (центром внутреннего мира является Эго). Этому различию соответствует различение базисных и небазисных предикатов.

¹⁵ См. об этом также Демьянков В. З. Интерпретация текста и стратегемы поведения. — В кн.: Семантика языковых единиц и текста (лингвистические и психолингвистические исследования). М., 1979.